

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА ТРУДА В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена исследованию проблемы человека труда в советской и постсоветской культуре. Доказывается, что в истории культуры были не только периоды, когда этой проблеме уделялось значительное внимание, но и периоды, когда эта проблема исчезала из поля зрения носителей культуры. В конечном итоге сформировалось целое направление исследования феномена «народознания». В статье рассматриваются четыре, непохожие друг на друга формы народознания, – дворянская, разночинская, советская (социалистическая) и постсоветская (буржуазная).

Ключевые слова: народознание; дворянская форма народознания; разночинская форма народознания; пролетарская форма народознания; постсоветская форма народознания.

В истории культуры нет периода, когда бы она так или иначе не обращала внимания на человека труда.

Подобное отношение к человеку труда можно найти и в более поздние периоды, в эпоху господства советской культуры, где этот образ был в центре внимания отечественной журналистики, литературы и драматургии.

Однако на рубеже XX–XXI веков образ человека труда исчез из поля зрения деятелей культуры. Почему они изменили своей приверженности? Каков общественный смысл этого поворота?

Чтобы ответить на указанные вопросы, необходимо разобраться в проблеме народознания – обратить внимание на четыре, непохожие ее формы, в которых образ трудящегося человека вводился в духовную культуру при разных исторических условиях.

1. Дворянская форма народознания

В эпоху восходящего развития дворянство не нуждалось в союзе с крестьянством. Такая нужда появилась лишь в эпоху упадка, всеобщего разочарования в дворянском сословии.

Особенность дворянской формы народознания состояла в идеализации крестьянского образа жизни. Откуда взялась эта потребность?

Демократически настроенному дворянству нужен был «инструмент» для воздействия на консервативную часть дворянства и они нашли его в приукрашивании и преувеличении достоинств крестьянской жизни. Поэтому в адрес мужика здесь не говорилось ни одного жесткого или порицающего слова, а подчеркивалось только то, что он несчастен.

Чтобы снять страх консервативной части дворянства перед крестьянином, они утверждали следующую мысль. Крестьянин кроток и безответен, как безропотно переносит он обиды и страдания, отказывает себе во всем, на что имеет право человек. Какие у него скромные желания! Это забитое существо, с таким благоговением смотрящее на нас, столь готовое проникаться беспредельною признательностью к нам за малейшую помощь, за ничтожнейшее внимание, за одно ласковое слово от нас! Но если говорить другим о нем все, что можно бы сказать, их сострадание к нему будет ослабляться знанием его недостатков. Будем же молчать о его недостатках.

В итоге идеалы демократического дворянства получили подкрепление, и его борьба с самодержавием закончилась, с одной стороны, восстанием декабристов в 1825 г., а с другой – крестьянскими реформами 1860–1870 годов, отменившими крепостное право, оформленное еще в 1497 году [1, с. 9–53].

2. Разночинская форма народознания

Разночинское народознание пришло на смену дворянскому.

Если дворянская интеллигенция твердо верила в прогрессивную роль дворянства, то разночинская интеллигенция доверяла только крестьянству. Только жизнь крестьянина казалась им образцом социализации общества, средоточия «вековых устоев», а жизнь дворянина казалась им ничтожной, наполненной духом индивидуализма и безнравственности.

В соответствии с этим разночинцы требовали от интеллигенции укрепления веры в народный идеал, картин «победного шествия» народного быта. И интеллигенция эти картины предоставляла. Созданные ею образы простых людей вызвали к жизни массу положительных эмоций, они глубоко потрясли общество, запуганное репрессиями Николая I (1825–1855), пробудили демократическую публику от сна и способствовали ее сколачиванию для борьбы за свободу.

В отличие от дворян, разночинцы поступали иначе.

Если дворяне идеализировали народ, то все сколько-нибудь деятельные разночинцы критиковали его. Они выискивали и высматривали у него отрицательные черты и подвергали их беспощадному разбору.

Почему так?

Критический настрой разночинцев вытекал из их просветительства. Как просветители они беспредельно верили в могущество разума своей интеллигенции. Но при этом понимали, что от ее разума толку будет мало, если в него станут верить одни интеллигенты, поэтому считали необходимым убедить в истинности их разума и тех дворян, кто держался либеральных убеждений. Убедить же других, по их понятиям, можно было только критикой негодных черт народного характера, основанной на тщательном и всестороннем его исследовании.

Они думали, что крестьянин, освобожденный от тяготивших его общественных норм, сумеет развернуть свои нравственные «устои» и под руководством разночинца-интеллигента двинуться вперед. Поэтому с нетерпением ждали общественных реформ. Реформы, по их понятиям, должны обозначить исходный пункт превращения крестьянина в субъект истории.

Однако реформы 1860 годов сказались на крестьянине неожиданным образом. Получив некоторую свободу, крестьянство не спешило следовать теоретическим заветам народников, оно не разворачивало общинных «устоев», а, напротив, старалось избавиться от них, скорее выбраться из общины. Крестьянство развернулось в сторону частного интереса и тем самым поставило под сомнение надежды разночинцев о прогрессивном значении «вековых устоев» народа [1, с. 112–156].

3. Пролетарская форма народознания

В советское время ценился прежде всего человек труда. На такого человека и работали ресурсы общества.

Труд крестьянина был тяжелым, а новое общество хотело сделать этот тяжелый труд творческим, оно видело в крестьянине будущего селекционера и потому строило в колхозах агропромышленные избы. В этих избах колхозники учились селекции, они пытались овладеть приемами опыления растений, работы с новыми и традиционными сортами.

Новое общество активно боролось за свободное время трудящихся. Оно хотело, чтобы в свободное время люди занимались спортом и художественной самодеятельностью, и на первых порах делало все, чтобы поддержать и закрепить соответствующие инициативы. В конечном итоге сложилась практика, когда даже мелкое предприятие обязано было иметь спортивные команды из своих работников, клубы и оркестр, а крупное предприятие – содержать стадионы, парки для отдыха, бассейны или водные станции, библиотеки. И люди стали читающими. Об этом говорят следующие факты. В 1989–1990 годах подписка на журнал «Наука и жизнь» составляла около 2,3 млн человек, на «Технику – молодежи» – 1,5 млн, «Радио» – 1,5 млн., «Юный техник» – 1,7 млн., «Юный натуралист» – 2,9 млн.

Даже такой журнал, как «Моделист-конструктор», имел тираж 1,7 млн экземпляров [2, с. 591].

Именно такой человек и вызывал искренний интерес у советской интеллигенции. В газетах «Известия», «Комсомольская правда» и «Советская Россия» преобладала тема труда и главным ее героем был трудящийся человек [3; 4; 5; 6]. В журнале «Огонек» 1952 года образы людей труда, трудовые процессы и результаты труда освещены в каждой третьей фотографии, а на его обложках – девять фотографий из двенадцати [2, с. 591–593]. И такое отношение к человеку труда можно обнаружить не только в периодических изданиях, но в художественной литературе, изобразительном искусстве и кино. Поэтому не удивительно, что на разработке данной темы выросло немало выдающихся журналистов, писателей, поэтов и драматургов. Среди них – драматург Александр Гельман, режиссер Сергей Герасимов, актеры Юрий Васильев, Галина Польских и др.

4. Постсоветская форма народознания

С конца 1980-х годов интерес к человеку труда стал постепенно угасать. Публицисты все меньше уделяли внимания этой теме, благодаря чему она была вытеснена из СМИ и заменена темой личного обогащения человека в кооперативах, акционерных обществах и бизнес-структурах.

Уже «Огонек» 1999 года старательно обходит тему труда, поэтому не удивительно, что из 16 фотографий, размещенных в журнале, лишь на одной изображен человек труда, а в каждой четвертой – лицо преуспевающего певца или сатирика. Похоже, отечественная пресса вступила на путь заимствования опыта зарубежных СМИ.

Большинство американских газет, имея ежедневные рубрики бизнеса, не имеют рубрик, посвященных проблемам труда. Благодаря этому жизнь примерно ста миллионов американцев, относящихся к категории наемных граждан, как правило, игнорируется печатной и электронной прессой. Образы человека труда либо отодвигаются на задний план, либо отражаются в искаженном свете, либо освящаются слабо, занимая чуть более 2% эфирного времени программ [7, с. 22, 228–229; 8].

В этом же направлении развивали свою активность и деятели культуры в целом. Они чутко всматривались в новые процессы, искали образ общественной силы, которая возглавит будущий исторический процесс, и находили его на пути решительного отрицания ценностей советского периода истории. Так в постсоветской культуре и появилась новая терминология, сменились понятия, сформировалось отрицательное отношение к образу человека труда.

Список использованной литературы

1. Ткачев В.С. Идеалы русской интеллигенции. Сравнительный анализ общественной мысли России XVIII – нач. XX веков. – Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1998. – 229 с.
2. Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берия. Научно-историческое исследование. – М. : Крымский мост – 9Д Форум, 2003. – 731 с.
3. Киселев Д.Г. Байкальская альтернатива. – 2002. – № 1. – С. 14–19.
4. Варустин Л.Э. «Вровень с героем». Проблемы творчества и мастерства публициста. – Москва : Мысль, 1987. – 272 с.
5. Варустин Л.Э. Тайны газетной строки. Ленинград : Лениздат, 1971. – 183 с.
6. Бухарцев Р.Г. Творческий потенциал журналиста. – М. : Мысль, 1985. – 140 с.
7. Короченский А.П. Отодвинута в сторону: тема труда в американских СМИ // Демократический журналист. – 1991. – №1. – С. 22–31.
8. Короченский А.П. «Пятая власть»? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. – Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 2002. – 272 с.

Информация об авторе

Ткачев Валерий Сисоевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Байкальского государственного университета, Россия, г. Иркутск, e-mail: vl201548@yandex.ru.